

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.7)
EDN [SVUPOD](https://edn.svupod.ru)
УДК 316.344

В. В. Мухачёв¹

¹ Институт социально политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

МЕЩАНСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ ДО 1917 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции сословия мещан в России XVIII — начала XX вв. как ключевого элемента городской мелкой буржуазии. В рамках междисциплинарного историко-социологического и социально-психологического подхода автор анализирует двойственную природу социально-политического феномена «мещанство»: как юридически оформленного сословия (согласно Жалованной грамоте 1785 г.) и как специфического социально-психологического типа личности. Выявлена взаимосвязь между правовым статусом «среднего класса» Российской империи и формированием мировоззренческих установок, характерных для мелкотоварного производителя. На материале публицистики и художественной литературы (П. Н. Ткачёв, М. Горький) реконструирована критическая рефлексия современной им интеллигенции относительно мещанской морали. Обосновывается вывод о том, что неприятие мещанского типа личности передовой частью российского общества обуславливалось конфликтом между частнособственническими интересами сословия и потребностями общественного развития в период кризиса самодержавия.

Ключевые слова: мелкотоварное производство, городская мелкая буржуазия, мещанство, сословие, мещанский тип личности, мещанская психология, социальная история России

Для цитирования: Мухачёв В. В. Мещанство в истории России до 1917 года // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 99–111. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.7). EDN [SVUPOD](https://edn.svupod.ru).

Введение. Настоящая статья продолжает цикл исследований феномена мещанства, начатый в работе «Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход» [1]. Анализ исторических феноменов социальной структуры общества требует методологической основы, позволяющей рассмотреть их в контексте всемирного исторического процесса. Благодаря учению Маркса, его концепции всемирной истории, труду Г. Моргана «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (Лондон, 1877) и работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Цюрих, 1894) с конца XIX в. наука о жизни людей стал понятен *общий* ход истории человечества.

В заключении своей книги Энгельс привёл суждение Моргана: «С наступлением цивилизации рост богатства стал столь огромным, его формы такими разнообразными, его применение таким обширным, а управление им в интересах собственников таким умелым, что это богатство *сделалось неодолимой силой*, противостоящей народу. *Человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным творением.* Но всё равно придёт время, когда человеческий разум окрепнет

для господства над богатством. Интересы общества безусловно выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармонические отношения. Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого... Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения» [2, с. 177–178].

Сам Энгельс, давая характеристику цивилизации, писал: «Мы видели, как на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в основном есть та самая ступень, на которой возникает разделение труда и обмен между отдельными лицами. И немного потребовалась теперь времени, для того, чтобы открыть великую “истину”, что человек также может быть товаром, что силу человека можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как они уже сами стали предметом обмена. Действительный залог превратился в страдательный — хотели того люди или нет. ...произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наёмный труд в новое время» [2, с. 175]. Пройдя эпохи рабовладения и феодализма, человечество уже 200 лет живёт в условиях эксплуатации наёмного труда капиталом. За это время оно пережило множество социально-классовых конфликтов и войн, от гражданских до империалистических.

Во всемирной истории отдельные явления жизни людей, будучи «частью» общего хода человечества, имеют *свою* «историю». В частности, это относится к мелкой буржуазии. Было бы неверным думать, что мелкая буржуазия существует только при капитализме. Она встречается на всех этапах классового общества — и при рабовладении, и при феодализме и даже в первобытной общине. Мелкий буржуа — это «мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства» (Ленин), а товар как продукт его труда, подлежащий обмену, продаже, встречается на всех этапах человеческой истории. Об этом в 3-м томе «Капитала» сказано так: «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — будет ли это первобытнообщинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег. Единственно необходимое заключается в том, чтобы эти крайние члены имелись в наличии как товары, — безразлично, является ли производство во всём своём объёме товарным производством или же производители, сами ведущие хозяйство, выносят на рынок только излишек, остающийся за покрытием их непосредственных потребностей, удовлетворяемых их производством» [3, с. 357].

«Крайними членами» процесса обращения товаров являются, с одной стороны, производители товаров, а с другой — их потребители, и здесь не имеет значения, является ли производство товарным «во всём объёме», как при капи-

тализме, где производителями являются капиталисты, использующие наёмный труд, или же оно имеет ограниченный характер и масштаб, когда производители, образующие слой мелкой буржуазии, сами ведут своё хозяйство и выносят на рынок только излишек произведённой ими продукции после удовлетворения собственных непосредственных потребностей.

Такой мелкой буржуазией при всех способах производства были или свободные от крепостного права жители деревень, крестьяне, или занятые ремёслами, промыслами и торговлей горожане. Населяя восстановленные после разрушения их племенами варваров античные и вновь возникавшие средневековые города Европы IX–XII вв., этот социальный слой стал *городской* мелкой буржуазией, которую именовали по месту их жительства «мещанами» (*burger* в Германии, *bourgeois* во Франции, *inhabitant*, *townsfolk* или *townspeople* в Англии). Русские слова «мещанин», «мещане» или «мещанство» появились в конце XVII в. в виде кальки с польского *mieszkaniec* (люди *miasto*, жители городов). Другой частью мелкой буржуазии с древних времён была *сельская* мелкая буржуазия в лице *свободных* от личной зависимости крестьян. Но именно городская мелкая буржуазия, мещане, оказались авангардом тех собственников капиталов, которым в условиях феодализма предстояло заложить экономический базис собственного существования, совершить буржуазные революции и, сломав феодальную *надстройку*, построить на её месте другие идеологические социально-политические институты (государство, право, культуру и пр.). Бюргерами было создано буржуазное общество, которое, по словам Моргана и в учении Маркса, содержит в себе «элементы своего собственного уничтожения».

В свете изложенного задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на материале российской истории проследить, как институциональное оформление мещанства как сословия соотносилось с формированием особого социально-психологического типа личности. Актуальность такого подхода определяется потребностью в более целостном осмыслении роли городских «средних слоёв» в социокультурной динамике дореволюционной России.

Мещане и мещанство в начале истории России. В статье «Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход» [1] уже обращалось внимание на то, что слово «мещанство» имеет два значения, соответствующие двум, находящимся в причинно-следственной связи, явлениям. Первое — это группа, слой (сословие) *городской* мелкой буржуазии, объединяющая мелких производителей, хозяйничающих при системе товарного производства. Второе — это социально-психологический тип личности, которой присущ гипертрофированный эгоизм мелкого буржуа, ставящего *личное* благополучие и *потребление* продуктов *общественного* труда *выше* интересов коллектива и общества.

Специфика российской истории, в том числе возникновение в ней сословного строя феодального общества, была обусловлена её географией и историческими обстоятельствами.

Во-первых, восточные славяне миновали первую ступень цивилизации (рабовладение) и сразу из варварства шагнули в неизвестный тогда европейцам феодализм, но в отличие от франков и готов им ничего не досталось из наследия материальной культуры античных цивилизаций Греции и Рима. Поэтому *русский* исторический путь не был освещён образцами созданной древними греками и римлянами культуры — тех, которые, говорил Маркс, «всегда будут нашими

учителями». Россияне восполняли этот «пробел» своей истории *по-своему*, пока к власти не пришёл Пётр I, который решил в короткое время придать Российской империи западноевропейский вид.

Во-вторых, существенную роль в специфике исторического пути россиян играло открытое перед ними огромное, другими народами малозаселённое, пространство с наличием широчайших возможностей для развития основы жизни человечества — земледелия. Это определяло устойчивую тенденцию к освоению новых территорий, их колонизации земледельцами, включая беглых крестьян, экстенсивной форме ведения хозяйства как на «старых», так и «новых» землях. Со временем это стало основой консервативных тенденций и традиций в образе жизни россиян и внутренней политики власти.

В-третьих, регулярные вторжения татаро-монгольских племён, накладывавших дань на русские земли, нарушали экономическую жизнь населения удельных княжеств, которая с самого начала была связана с промыслами и торговлей, поскольку, расселившись по Днепру от Чёрного моря на юге до озера Ильмень на севере, восточные славяне сразу оказались внутри торгового движения окружавших их народов и стали его участниками. Вскоре на их землях стали появляться торжища и древнейшие торговые города [4].

Названные обстоятельства не способствовали промышленному развитию капитализма в феодальной России, которое исторически идёт через мелкотоварное производство к мануфактуре, а от неё — к фабрике. И тем не менее уже тогда Россия стояла на общей для большинства европейских народов дороге. Об этом говорит пример Великого Новгорода, где, несмотря на длительное противостояние русских князей татаро-монгольским ханам, ремесленно-торговая жизнь не только не останавливалась, но и продолжалась и вела к социально-экономическому расслоению городского населения. «В составе новгородского общества, — писал В. О. Ключевский, — надо различать классы городские и сельские. Население Новгорода Великого состояло из *бояр, житых людей, купцов и черных людей*. Во главе новгородского общества стояло боярство. ... Не так ясно выступает в новгородских памятниках второй класс *житых* или *житых* людей. Можно заметить, что этот класс стоял ближе к местному боярству, чем к низшим слоям населения. Житые люди были по-видимому капиталисты средней руки, не принадлежавшие к первостепенной правительственной знати. Класс торговцев называли *купцами*. Они уже стояли ближе к городскому простонародью. Они работали с помощью боярских капиталов... *Черные люди* были мелкие ремесленники и рабочие, которые брали работу или деньги для работы у высших классов, бояр и житых людей» [4, с. 80–81]. Таким образом, в составе *городского* «класса» новгородцев Ключевский выделяет четыре слоя людей, три из которых, по сути, олицетворяли собой зарождавшийся капитализм. Два из них могут быть отнесены к *докапиталистической* «буржуазии», внутри которой, наряду с классом «житых» людей, или «капиталистами средней руки», существовал «класс торговцев» (купцов), работавших «с помощью боярских капиталов», а внизу находились «черные люди», городское «простонародье» (мелкие ремесленники и рабочие), которые в отношении первых двух групп играли роль наёмной рабочей силы.

Сословный строй и сословие мещан. Мещане России были признаны отдельным сословием в конце XVIII в., когда сословный строй в стране уже сложился и юридически был оформлен Соборным Уложением 1649 года. Состо-

ящий из основных классов феодального общества этот строй до 1917 г. определял политическую организацию государства. Руководствуясь этим, историк А. Н. Медушевский считает, что центральной проблемой «социологического объяснения складывания русской государственности является механизм функционирования сословного строя, который имел в России большую специфику по сравнению со странами Западной Европы» [5, с. 36]. Принимая эту точку зрения в целом, важно помнить оценку сословного строя, которую давали ему исследователи дореволюционного периода, среди которых был основатель библиотечного дела в России, автор фундаментального исследования «Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы» (1912) Н. А. Рубакин (1862–1946).

Н. Рубакин, которого писатель Л. Разгон заслуженно назвал «последним энциклопедистом», писал: «В России до Петра I сословий в собственном смысле не было, и в языке Московской Руси не найти даже слов для выражения таких понятий, как “сословный строй”, “сословные учреждения”, “сословные предрассудки”. Сословный строй России — создание последних столетий русской истории. Но в то время как в Зап. Европе население уже не делится на обособленные сословия, русское законодательство до сих пор удерживает сословную группировку населения, заимствованную нами с Запада в эпоху слепого подражания всему иностранному» [6, с. 73]. В подтверждение своей позиции Н. Рубакин сослался на крупного российского юриста того времени профессора Н. Коркунова, который считал, что сословный строй в западноевропейском смысле «никогда не мог пустить в нашем быту сколько-нибудь глубоких корней, а реформы Александра II лишили его и последней опоры» [6, с. 73]. Давая такую оценку сословного строя в России, Н. Рубакин полагал, что «сословиями на Руси могут быть признаны лишь дворяне, почётные граждане, мещане и крестьяне» [6, с. 74].

Феодальная раздробленность удельных княжеств долго мешала созданию национального рынка и развитию капитализма в масштабах «всея Руси». Ситуация стала меняться после того, как великие *московские* князья в XIV–XVI вв. занялись собиранием земли русской, что привело к появлению великорусского государства в виде Московского царства. Пережив «Смутное время», наступившее после смерти в 1598 г. *последнего* из династии Рюриков царя Федора Ивановича, время борьбы бояр за царский престол и интервенции Польши, Россия с вступлением в 1613 г. на престол *первого* из династии Романовых царя Михаила Фёдоровича начала навёрстывать упущенное в прошлом. После городских восстаний в 1648–1650 гг. в Москве, Козлове, Курске и Устюге Великом [7] центральная власть принялась наводить в стране общий, юридически оформленный, «правопорядок». По решению царя Алексея Михайловича было подготовлено и 29 января 1649 г. в Москве Земским Собором принято Соборное «Уложение», ставшее первым государственным кодексом законов России, сохранявшим своё юридическое значение почти 200 лет. Его 967 статей регламентировали государственное, административное, гражданское и уголовное право.

«Уложение» 1649 года разделило население страны на две большие группы. К первой были отнесены те слои, в которых Государь видел опору своей власти — *духовенство*, вотчинное *боярство*, состоявшее из потомков бывших великих и удельных князей, поместное *дворянство*, которое несло военную службу; *казаки* и другие «ратные люди» (стрельцы, пушкари, казённые мастера и пр.). Различие между ними заключалось в размере жалованных им земель. На вторую

группу населения, к которой были отнесены крестьяне и жители городов («посадские»), возлагались *тяготы по содержанию государства*, они назывались «тягловыми». По отношению к этой группе было введено *крепостное право*: крестьяне были прикреплены к своим владельцам, а посадские люди — к городам. Глава XIX Уложения («О посадских людях») запрещала им переходить в нетягловые состояния, а царский указ 1658 г. за самовольный переход из одного посада в другой грозил смертной казнью [4, с. 125–131].

Несмотря на введённые ограничения на передвижение людей, торгово-ремесленная жизнь россиян в XVII в. всё более развивалась и увеличивала население городов за счёт численного роста имевших своё «дело» торговцев и ремесленников. В это время происходит перерастание ремесла из эпизодического выполнения отдельных заказов для конкретных людей в *мелкотоварное* производство, которое приобрело массовый характер. Складывается специализация ремесленного труда и происходит его разделение между отдельными районами страны, что является условием формирования *общенационального* рынка. Развитие мелкотоварного производства приводит к появлению мануфактур, которых к концу XVII в. в России насчитывалось около 30. К этому времени в стране существовало не менее 300 городов. В самом крупном из них, Москве, проживало не менее 200 тыс. горожан. В Новгороде, Пскове, Ярославле, Костроме, Вологде, Нижнем Новгороде, Казани и др. насчитывалось по несколько десятков тысяч горожан.

XVIII век, «век Просвещения», принёс России «просвещённый» *абсолютизм*, означавший укрепление самодержавной власти монарха, которая заметно усилилась после принятия в 1721 г. царём Петром I титула *императора*. Продиктованные духом времени либеральные реформы династии Романовых от Петра I до Екатерины II (учреждение губерний, Синода, Академии наук, Академии художеств, Московского университета, открытие первого русского театра в Ярославле и др.) сопровождалось усилением консервативной основы самодержавия — крепостного права. Как в отношении крестьян (Указ 1721 г. «О покупке к заводам деревень»), так и рабочих (Указ 1736 г. «О прикреплении рабочих к фабрикам и заводам и о даровании фабрикантам права ссылать рабочих в дальние города и на Камчатку»).

Возраставшие сложности государственного управления жизнью социально и профессионально неоднородного общества требовали неотложной реформы сословного строя России. Этим занялась Екатерина II, которая своими нововведениями *впервые* признала мещанство в виде отдельного, наряду с основными слоями общества самостоятельно существующего, сословия. Императрица предложила в целом *сохранить* сословный строй общества и выделила в нем три основных группы населения — *дворян, земледельцев* (крестьян) и «средний класс» (*мещан*). Для Уложенной комиссии, которой предстояло работать над проектами новых законов, Екатерина II в 1766 г. подготовила «Наказ», в главе XV которого говорилось: «В городах обитают мещане, которые упражняются в ремёслах, в торговле, в художествах и науках» (статья 359). Эта общая характеристика мещан как жителей городов в статьях 376–383 главы XVI «Наказа» получила конкретное наполнение. Так о «среднем классе» людей в них писалось: «К сему роду людей причеть должно всех тех, кои не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремёслах»; «Сверх того, всех тех, кои выходить будут, не быв дворянами, изо всех нами и предками нашими учреждённых училищ и воспита-

тельных домов, какого бы те училища звания не были, духовные или светские» [8, с. 205–207]. В соответствии с указаниями императрицы были подготовлены и 21 апреля 1785 изданы *жалованные* грамоты дворянству и городам — «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи»¹.

Жалованная грамота городам разделила их жителей, согласно Ключевскому, «на шесть классов: 1) *настоящие городские обыватели*, лица всякого звания, владевшие какой-либо недвижимостью в городе, 2) *купцы* трёх гильдий (первой с объявленным капиталом не менее 10 тыс., второй — не менее 5 тыс., третьей — не менее 1000), 3) ремесленники, вписавшиеся в *цехи*, 4) *иногородние и иностранные гости*, приписавшиеся к городу для промышленных занятий, 5) *именитые граждане*, лица занимавшие должности по городским выборам, учёные с академическими или университетскими аттестатами, художники, артисты, капиталисты с объявленным капиталом не менее 50 тыс. руб. и т.п. и 6) *посадские*, живущие каким-либо промыслом или работою в городе и не вошедшие в состав никакой другой группы городских обывателей [4, с. 160]. Характеризуя деятельность городских классов, Екатерина II особое значение придавала торговле и ремёслам. В введении к Грамоте городам она писала: «Всероссийские самодержцы от самых древних лет с расширением пределов владычества их и с умножением народным умножали и число городов, дая в них безопасное место торгу и рукоделиям. Обширность государства, обилие произрастений не токмо на поверхностях земли, но и в недрах ея сокровенных, удобства сообщение сухопутного или водоходного, рачения и предприимчивость российского народа не могли не иметь добрых успехов» [9, с. 113–114].

Из шести групп мещан особый интерес своим имущественным и профессиональным составом представляет группа «именитых граждан», в которую, наряду со *служащими* «совестного суда или губернского магистрата, или бургомистра, или городского главы», *капиталистами*, имеющими капитал от 50 тыс. рублей и более, *банкирами*, *оптовыми* торговцами и «кораблехозяевами, кои собственные корабли за море отправляют», были включены *учёные*, имеющие академические или университетские аттестаты и *художники* «трёх художеств, а именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители» [9, с. 171–172]. Этим, далёкие от составляющего общественное богатство производства материальных благ, учёные, художники и близкие им учителя, врачи, актёры, ставшие той социальной группой, которую в середине XIX в. нарекут «лицами свободных профессий», «интеллигенцией», были поставлены в один ряд с городскими и губернскими чиновниками и «капитанами» российского бизнеса.

Трудно сказать сколь многочисленным было сословие мещан в годы екатерининских реформ и как оно росло в последующем, поскольку *первая* всеобщая перепись населения России состоялась только в 1897 году. Согласно полученным данным, в стране тогда насчитывалось 125 640 021 жителей, а сословное распределение этого населения империи выглядело следующим образом: дворян было 1,5%, духовенства — 0,5%, почётные граждане — 0,3%, купцы — 0,2%, мещане — 10,6%, крестьяне — 77,1%, войсковые казаки — 2,3%, инородцы — 6,6% и т.д. [10, с. 63]. В сравнении со временем СССР и постсоветской России

¹ По указанию Екатерины II был также подготовлен проект жалованной грамоты государственным (казённым) крестьянам, но из-за опасений дворянского недовольства он не был опубликован.

группа «лиц свободных профессий» была немногочисленна. Среди них, писал Н. Рубакин, «служителей изящных искусств всех типов (художников, музыкантов, актёров) было насчитано в 1897 г. 15 237, а врачей без военных докторов 16 742» [6, с. 119].

Мещанский тип личности и отношение к нему противников самодержавия.

В первые десятилетия после выделения мещан в «среднее» сословие российского общества, слово «мещанин» означало социальную группу горожан, описанную в *жалованной* Екатериной II Грамоте «на права и выгоды городам Российской империи» и не имело того негативного смысла, который оно со временем приобретало в Европе, а затем в России для обозначения мещанского, безразличного к делам общества, отношения к жизни. И, видимо, в этом кроется «загадка» стихотворения А. С. Пушкина «Моя родословная» (1830), где в заочной полемике с недоброжелателями поэт, имевший дворянское происхождение, писал: «Меня зовут аристократом. Смотри, пожалуй, вздор какой! Не офицер я, не асессор, Я по кресту не дворянин, не академик, не профессор; Я просто русский мещанин». И далее: «Я грамотей и стихотворец, Я Пушкин просто, не Мусин, Я не богач, не царедворец, Я сам большой: я мещанин».

Но шло время, и в условиях обострения классовых борьбы между защитниками и противниками существующих порядков в самодержавной России и необходимости каждого самоопределиваться в отношении этого явления российское мещанство к середине XIX в. всё чаще проявляло свою мелкобуржуазную суть (эгоизм и стремление во всём видеть личную выгоду), что вызывало в обществе отторжение как со стороны консервативного дворянства, так и революционно-демократических критиков самодержавия. С обличением мещанства и его идеологии со статьёй «Стоячая вода» выступил революционный демократ Д. И. Писарев, который в шестидесятые годы XIX в., когда «мещанство складывалось как внесословное явление, связанное с мелкобуржуазностью, сумел разглядеть и выявить его характерные черты» [11, с. 21]. Позднее А. Ф. Писемский опубликовал роман «Мещане» (1877), где «с большой силой выразил мироощущение дворянской интеллигенции, столкнувшейся с бурным натиском российской буржуазии, которая в пореформенных условиях, рекрутируясь из купцов, кулачества, разбогатевших ремесленников, начала играть всё более заметную роль в общественной жизни» [11, с. 27].

Среди непримиримых критиков мещанства был революционер-народник П. Н. Ткачёв (1844–1886) — блестящий публицист и критик современной ему литературы, оставивший огромное литературно-критическое наследие. Среди прочего в нём есть статья «Люди будущего и герои мещанства», где на примере четырёх романов известных европейских писателей («Один в поле — не воин» Ф. Шпильгагена, «Феликс Холт, радикал» Дж. Элиот, «Мадемуазель Маркем» Ж. Санд и «Возмутительный брак» Андре Лео) Ткачёв противопоставляет друг другу эти два типа людей. «Отличительный признак людей будущего, — писал он, — состоит в том, что вся их деятельность, даже весь образ их жизни определяется одним желанием, одною страстною идеею — сделать счастливым большинство людей, призвать на пир жизни как можно больше участников. Осуществление этой идеи становится единственною задачею их деятельности, потому что эта идея сливается с понятием о их личном счастье» [12, с. 115]. Но для «героев мещанства», филистеров, в отличие от «людей будущего», до-

бавляет Ткачёв, осуществление их идей «не есть цель жизни, а только одно из *средств* наслаждаться ею...» [12, с. 118].

Анализируя мировоззренческую основу мещанского отношения людей к жизни, Ткачёв соотносит две противоположные доктрины. Одна из них, о «шеренговой дисциплине и солдатском служении», обрекает людей «на пассивное бездействие, на самоотречение от своего я во имя требований дисциплины»; другая, о «самопомощи», убеждает людей ни на кого не надеяться, во всём полагаться на свои собственные силы. «Однако, — пишет автор статьи, — несмотря на эту несомненную противоположность обеих доктрин, филистеры ухитрились извлечь из той и из другой весьма утешительные и полезные для себя выводы. Из первой доктрины они вывели то заключение, что так как они только простые, рядовые солдаты, то самое лучшее, что они могут сделать для общественного дела, — это ничего не делать. Из второй доктрины они вывели правило не менее благоразумное: всякий должен думать только о себе, потому нам нечего думать о других, всякий должен трудиться только сам за себя и сам для себя, так как, трудясь для себя, он в то же время трудится и для других, а потому незачем мешаться в чужие дела, а лучше позаботиться о своих собственных. Таким образом, и та, и другая доктрина приводят филистеров к полнейшему квиетизму и служат весьма благовидным оправданием их бесстрастного равнодушия к общественному делу» [12, с. 143–144]. В дореволюционной России мещанский тип личности получил широкое распространение среди различных профессиональных групп городского населения.

Ярким представителем революционной критики российского мещанства был «буревестник революции» М. Горький. Будучи сам мещанином по происхождению, писатель в статьях 1895–1913 гг. («Пол Верлен и декаденты», «Заметки о мещанстве», «О «карамазовщине», «Ещё о «карамазовщине») оставил точный социально-психологический портрет *мещанского* типа личности, его отношения к существующей действительности. Интересен самоанализ Горьким того, *как и почему* он стал *таким*, а не другим, писателем. В статье «О том, как я учился писать» (1928) он говорит:

«Молодёжь ставит мне вопрос: почему я писал о «боссяках»?

Потому что, в среде мелкого мещанства, видя пред собой людей, единственным стремлением которых было стремление жульнически высасывать кровь человека, сгущать её в копейки, а из копеек лепить рубли, я тоже, как девятнадцатилетний корреспондент мой “всем своим трепетом” возненавидел эту комариную жизнь обыкновенных людей, похожих друг на друга, как медные пятаки чекана одного года.

Боссяки явились для меня “необыкновенными людьми”. Необыкновенно в них было то, что они, люди “деклассированные”, — оторвавшиеся от своего класса, отвергнутые им, — утратили наиболее характерные черты своего классового облика.

...В большинстве своём люди эти были нездоровы, алкоголики, жили они не без драк между собою, но у них хорошо было развито чувство товарищеской взаимопомощи, всё, что им удавалось заработать или украсть, — пропивалось и проедалось вместе. Я видел, что хотя они живут хуже “обыкновенных людей”, но чувствуют и осознают себя лучше их, и это потому, что они не жадны, не душат друг друга, не копят денег» [13, с. 310–311].

После пьесы «Мещане» (1901), за которую он получил премию имени Грибоедова, Горький в 1905 г. публикует очерк «Заметки о мещанстве», где рас-

смаатривает мещанство в условиях классовой борьбы и революции на примерах из русской литературы. Он пишет: «Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, тёмный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе всё, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

...Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, объясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всемогущего чудовища — государства» [13, с. 194].

Описывая «строй души» мещанина, Горький обращает внимание на её слабости и противоречивость жизненной позиции: «Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе, его любимая позиция — мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии. Всегда внутренне бессильное, мещанство преклоняется пред грубой внешней силой своего правительства, но если — как мы это видели и видим — правительство дряхлеет, мещанство способно выпросить и даже вырвать у него долю власти над страной, причём оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой» [13, с. 195].

Столь же точно Горький раскрывает отношение мещанства к народу, за счёт которого оно не только живёт, но хочет жить «красиво и спокойно», испытывая страх перед будущим и делая попытки самооправдания за настоящее: «Оно густо облепило народ своим серым, клейким слоем, но не может не чувствовать, как тонок этот холодный слой, как кипят под ним враждебные ему инстинкты, как ярко разгорается непримиримая, смелая мысль и плавит, сжигает вековую ложь...

Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх пред жизнью, — в корне своём это страх пред народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своею благополучия. На тревожной почве этого страха, на предчувствии отмщения у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа — тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Ле-Бонами, Ломброзо — имя им легион...

В будущем, вероятно, кто-то напишет “Историю социальной лжи” — много томную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представят собой целый Арарат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину горами липкой, хитрой лжи.

Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать самим себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты.

И доказывают более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют необоримые, роковые законы, созданные богом, или природой, или самими людьми, что по силе этих законов человек может удобно устроиться только на шее ближнего своего и что, если все рабочие захотят есть котлеты, — на земле не хватит быков...» [13, с. 195–196].

До революции 1917 г. мещанская психология проникла во все слои общества, затронув значительную часть лиц «свободных профессий», в том числе писателей. И Горький говорит о влиянии мещанства на русскую литературу. Он пишет: «Каждый, разумеется, видит всё в жизни так, как он хочет видеть, а кто ничего не хочет, видит только себя...

Вероятно, на земле нет другой страны, где бы командующие классы говорили и писали о народе так усердно и много, как у нас, и уж, наверное, ни одна литература в мире, кроме русской, не изображала свой народ так приторно-слащаво...

Наша литература — сплошной гимн терпению русского человека, она вся пропитана тихим восторгом пред страдальцем-мужичком и удивлением пред его нечеловеческой выносливостью.

...И всегда в отношениях русского писателя к своим героям-мужикам чувствуется нечто вроде удовольствия видеть их ничтожными, мягкими, добрыми и терпеливыми...» [13, с. 199–201].

Не прошло мимо внимания Горького и обмещанивание пера журналистов. Об этом говорит его статья «На арене борьбы за правду и добро», где он писал: «В недалёком прошлом так называлась пресса.

Борьба за правду и добро считалась её назначением, она высоко держала знамя с благородным девизом, начертанным на нём, и если порой впадала иногда в ошибки, то они не ставились публикой в фальшь ей, прессе, группе людей, расходовавших для общества действительно горячую кровь сердца и неподдельный сок нервов.

К её голосу прислушивались внимательно и серьёзно, а не скептически улыбаясь, как прислушиваются теперь.

Теперь слушают искусственно подогретое слово обличения и думают про себя: “Ладно! Распинайся. Вижу я, что и ты тоже прежде всего — есть хочешь!..”

И правы те, кто так думает, ибо, к сожалению, нынешний газетчик, за редкими исключениями, вполне достоин нынешнего читателя.

Он так же жаден, туподушен и бессовестно откровенен в своих поползновениях за «куском», как и его читатель.

Грустно отмечать факты, подтверждающие столь мрачный взгляд на дело, но это наша обязанность.

Минул век богатырей,
И смешались шашки;
И полезли из щелей
Мошки да букашки...²

Они полезли — и вот ныне откровенно действуют в прессе.

Без веры во что-либо, без бога и совести, без определённого взгляда на дело жизни, — им всё равно, о чём ни писать, лишь бы выходило хлёстко, лишь бы понравиться улице и, поставив её симпатии на вид своего хозяина-издателя, получить с него побольше гонорара...

Полные всякого злопыхательства и отчасти не умея излить его на явления жизни, действительно заслуживающие осуждения, отчасти из трусости не делая этого, — они или пробавляются по мелочам, или «подсидывают» своего брата-газетчика.

Зачем это нужно?

Должно быть, всё для того же, чтоб понравиться хозяину, или для того, чтоб по поручению хозяина подмарать репутацию другой газеты в надежде, что этим поднимется реноме своей и увеличится подписка на неё [14, с. 5–7].

² Давыдов Д. В. Современная песня (1836).

Заключение. Проведённый анализ подтвердил двойственную природу мещанства как юридически оформленного сословия и специфического социально-психологического типа личности, обусловленного мелкотоварным укладом жизнедеятельности. Институциональное закрепление статуса в XVIII веке способствовало консолидации городских слоёв, однако консервативная сущность мещанской морали вступила в непримиримое противоречие с революционными задачами эпохи. Поход М. Горького против мещанства пришёлся на годы обострения классовой борьбы против самодержавия и первой русской революции. После этого мещанскому сословию дореволюционной России оставалось существовать недолго. До Октября 1917 года.

(Финальная статья цикла, раскрывающая тему мещанства в контексте истории советского периода, будет опубликована в № 4 за 2026 г.).

Библиографический список

1. Мухачёв В. В. Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 62–74. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5). EDN [NTIEVD](https://www.edn.ru/NTIEVD).
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. 745 с.
3. Маркс К. Критика политической экономии. Т. 3, ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. 1. М.: Политиздат, 1961. 554 с.
4. Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М.: Прогресс-Пангея, 1992. 208 с.
5. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 319 с. EDN [QATCIE](https://www.edn.ru/QATCIE).
6. Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы: опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. М.: РАГС, 2009. 310 с. EDN [QGTQYN](https://www.edn.ru/QGTQYN).
7. Городские восстания в Московском государстве XVII в.: сборник документов / Сост. К. В. Базилевич. М.: ГПИБ, 2003. 203 с.
8. Наказ Екатерины II комиссии по составлению проекта нового уложения // Хрестоматия по истории России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева [и др.]. М.: Проспект, 2009. С. 203–208.
9. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Политическая история России: хрестоматия / Сост. В. И. Коваленко [и др.]. М.: МНЭПУ, 1993. 324 с.
10. Российская империя: словарь-справочник. По Словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Сост. В. П. Пархоменко. СПб.: Изд-во им. А. С. Суворина, 1992. 94 с.
11. Новиков А. И. Мещанство и мещане: против мелкобуржуазной философии жизни. Л.: Лениздат, 1983. 152 с.
12. Ткачёв П. Н. Люди будущего и герои мещанства. М.: Современник, 1986. 351 с.
13. Горький М. Собрание сочинений в 16 томах. Т. 16: Очерки. Литературные портреты. Статьи. М.: Правда, 1979. 367 с.
14. Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 23: Статьи 1895–1906. М.: ГИХЛ, 1953. 464 с.

Поступила: 12.07.2025. Принята: 01.10.2025.

Сведения об авторе:

Мухачёв Вадим Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. vadism@rambler.ru
Author ID РИНЦ: [809770](https://www.rincc.ru/author/809770)

V. V. Mukhachev¹¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

PHILISTINISM IN THE HISTORY OF RUSSIA BEFORE 1917

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the philistinism estate in Russia of the 18th — early 20th centuries as a key element of the urban petty bourgeoisie. Within the framework of an interdisciplinary historical-sociological and socio-psychological approach, the author analyzes the dual nature of the socio-political phenomenon “philistinism”: as a legally formalized estate (according to the Charter of 1785) and as a specific socio-psychological type of personality. The relationship between the legal status of the “middle class” of the Russian Empire and the formation of worldview attitudes characteristic of a small-commodity producer is revealed. Based on publicism and fiction (P. N. Tkachev, M. Gorky), the critical reflection of the contemporary intelligentsia on philistine morality is reconstructed. It is substantiated that the rejection of the philistine type of personality by the advanced part of Russian society was due to the conflict between the private property interests of the estate and the needs of public development during the crisis of autocracy.

Keywords: small-commodity production, urban petty bourgeoisie, philistinism, estate, philistine personality type, philistine psychology, social history of Russia

For citation: Mukhachev V. V. Philistinism in the history of Russia before 1917. *Science. Culture. Society.* 2026;32(1):99–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.7>

References

1. Mukhachev V. V. Tradesmen and philistinism as a social group and a phenomenon of bourgeois culture: a Marxist approach. *Science. Culture. Society.* 2025;31(2):62–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5).
2. Engels F. The origin of the family, private property and the state. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 21. Moscow: Politizdat; 1961. (In Russ.).
3. Marx K. Critique of political economy. Vol. 3, part 1. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 25, part 1. Moscow: Politizdat; 1961. (In Russ.).
4. Klyuchevsky V. O. A brief guide to Russian history. Moscow: Progress-Pangeya; 1992. (In Russ.).
5. Medushevsky A. N. The establishment of absolutism in Russia: a comparative historical study. Moscow: Text; 1994. (In Russ.).
6. Rubakin N. A. Russia in figures: country, people, estates, classes. An experience of statistical characterization of the estate-class composition of the population of the Russian state. Moscow: RAGS; 2009. (In Russ.).
7. Bazilevich K. V. (comp.) Urban uprisings in the Muscovite state of the 17th century: A collection of documents. Moscow: GPIB; 2003. (In Russ.).
8. Catherine II's instruction to the commission for drafting a new code of laws. In: Orlov A. S., Georgiev V. A., Georgieva N. G. [et al.]. Reader on Russian history. Moscow: Prospekt; 2009. P. 203–208. (In Russ.).
9. Charter on the rights and benefits to the cities of the Russian Empire. In: Kovalenko V. I. [et al.] (comp.). Political history of Russia: a reader. Moscow: MNEPU; 1993. (In Russ.).
10. Parkhomenko V. P. (comp.) Russian Empire: dictionary-reference book. Based on the Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publ.; 1992. (In Russ.).
11. Novikov A. I. Meshchanstvo and Meshchane: Against the petty-bourgeois philosophy of life. Leningrad: Lenizdat; 1983. (In Russ.).
12. Tkachev P. N. People of the future and heroes of meshchanstvo. Moscow: Sovremennik; 1986. (In Russ.).
13. Gorky M. Collected Works in 16 Vols. Vol. 16: Essays. Literary Portraits. Articles. Moscow: Pravda; 1979. (In Russ.).
14. Gorky M. Collected Works in 30 Vols. Vol. 23: Articles 1985–1906. Moscow: GIKhL, 1953. (In Russ.).

Received: 12.07.2025. Accepted: 01.10.2025.

Author information:

Vadim V. Mukhachev Doctor of Philosophy, Professor, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. vadism@rambler.ru